

Автор - Майк Зиновкин, Архангельск (Россия).

Чайная бесцеремония

Время замирает. Прислушивается к чему-то внутри.
Рассеяннo улыбается. Пожимает плечами.
Оглядывается по сторонам. И вновь начинает идти.
И ты слышишь, как на кухне заходится свистом вскипевший чайник.

Чайник вполне себе раритет – ему уже двадцать пять.
Он помнит ещё твою бабушку, её разбитые артритом пальцы.
Но это не мешает ему раз за разом исправно закипать.
Ты подрываешься из комнаты, выключаешь газ. И начинаешь вроде бы просыпаться

из этого странного сна наяву,
в котором ты периодически залипаешь вторую неделю.
Не спеша завариваешь чай, разворачиваешь халву.
И становится слаще. Чуть-чуть – где-то на самом пределе

ощущений. Реальность не торопится давать тебе повод жить.
Впрочем, было бы странно, будь оно всё иначе.
Но счастье уже свернулось мягким комочком на дне души –

как чайник, совсем горячим.

Ромео берёт iPhone

Такая эпоха – будто у бога днюха,
И валится с неба разный ненужный хлам.
Ромео берёт iPhone и уходит к шлюхам;
Джульетта садится в Uber и едет в храм.

И кажется, каждый с богом запанибрата.
И точно уверен: бог, однозначно, прав.
Ромео сосёт текилу и мнёт мулаток;
Джульетта грустит под Ёлку и вяжет шарф.

Но это неправда! Вы никому не верьте:
Бог молится, чтоб мы приняли пользу лжи.
Ромео прекрасно знает, что болен смертью;
Джульетта боится жизни, но хочет жить.

И мир на пределе. Бог опускает скальпель –
Он всё это делал тысячу раз подряд...
Ромео берёт iPhone и звонит по Скайпу,
Джульетта снимает трубку и льёт свой яд...

Пить с лица

Я пью с её лица, как молоко,
Густую тяжесть низких облаков
И умираю быстро и легко.
В который раз. И каждый раз – в последний.
С ней говорить страшнее, чем молчать:
Она сочится ядом, как анчар
(Его полно во взгляде и в речах),
И обречён случайный собеседник.

Но мне плевать. Когда я рядом с ней,
Мои сомненья тают, словно снег.
И я готов, застрявший в дивном сне,
Отдать ей всё, чего душе угодно.
Она мне не подруга, не жена,
Но лишь со мной она обнажена.
А, значит, мне придётся пожинать
Плоды её любви к себе подобным –

Бессмысленной, безжалостной, слепой.
Надменно возвышаясь над толпой,

Она всегда останется собой –
Бездонной, словно небо над заливом.
Но мой порыв не стоит порицать:
В тягучем ожидании конца
Я снова жадно пью с её лица.
И, наконец-то, делаю счастливой...